

РЕПОРТАЖ ПОД ПУЛЯМИ¹

«Говорит Вьентьян! Говорит Вьентьян! Третьи сутки здесь идут непрерывные бои. Сейчас небольшая передышка. Спешу рассказать о героической защите города...»

Этот репортаж помнят многие радиослушатели. Он прозвучал в первые дни 1961 года, когда весь мир следил за мужественной борьбой маленького свободолюбивого ляотянского народа.

Столица Лаоса была в осаде. С юга от города Саваннакета наступали мятежники, их поддерживали тайландские и филиппинские наемники: нити заговора против законного правительства Суванны Фумы тянулись в Бангкок – штаб-квартиру СЕАТО.

У мятежников было численное превосходство, вооружение, машины, новенькие танки, спешно переправляемые с тайландского берега через реку Меконг. Ими руководили военные специалисты, прибывшие из США.

У защитников города было страстное желание спасти родину, совсем недавно получившую свободу, от новых колонизаторов; они хотели видеть Лаос нейтральным, независимым.

Вьентьян переходил из рук в руки. Днем саваннакетовцы занимали его, ночью парашютисты капитана Конг Ле внезапным ударом выбивали мятежников прочь. Тихий, обычно неторопливый и очень зеленый городок, растянувшийся на два с лишним километра вдоль Меконга, стал ареной боя. Сражение шло на улицах – здесь проносились на бешеной скорости «джипы», грохотали танки, непрерывно строчили автоматы, снаряды и мины рвались во дворах. Мирное население предпочитало не вылезать из подвалов.

В эти дни и прилетел во Вьентьян из Дели молодой журналист – корреспондент Московского радио Виталий Журкин. Прилетел вовремя: завтра сюда уже перестали летать самолеты, а вскоре даже посольство наше потеряло всякую связь с внешним миром, с Москвой.

В гостинице Журкин встретился с работниками посольства – тремя советскими людьми, оставшимися в Лаосе. Кроме них, тут был корреспондент Чехословацкого телеграфного агентства Карел Прашек – небольшого роста, крепкий, загорелый человек лет тридцати восьми с заметной лысиной на макушке. Общительный и веселый, он сразу завоевал доверие Журкина.

¹ Менделеев А., Губанова И. Неистовые репортеры. М., «Знание», 1964, стр. 31–37.

Они быстро разобрались в обстановке. Мятежники – узнали они – в первую очередь стремятся захватить центр города, застроенный трех-четырёхэтажными зданиями. В них размещались правительство, генеральный штаб, телеграф. Государственный банк. Поэтому вполне вероятно, что они попытаются прорваться на катерах по реке до центра и тут выбросят десант. Может быть, уже завтра...

Наутро два журналиста отправились на берег Меконга. Кругом были разложены мешки с землей, за ними притаились автоматчики с красными повязками на руках. (Дело в том, что и мятежники, и те, кто защищал официальное правительство, были некогда единой армией и носили одну форму. Теперь для различия саваннокетовцы имели на рукаве белую повязку, а солдаты Конг Ле – красную).

Репортеры залегли за большим деревом. Они увидели, как с востока по реке стремительно помчались бронекатера, но, встреченные огнем пулеметов, не дошли до центра и направились к небольшой протоке перед городом.

Журкин включил магнитофон.

«Мимо нас к востоку пронеслись на машинах парашютисты Конг Ле. Там, в протоке мятежники пытаются высадить десант. Артиллерия стреляет по катерам мятежников, на реке вздымаются огромные водяные столбы...»

Он еще не знал, каким будет репортаж, просто рассказывал о том, что происходило перед глазами. А микрофон улавливал треск пулеметной стрельбы, уханье пушек, разрывы, от которых рушились дома мирных жителей, занимались пожаром целые кварталы.

«Это с тайландского берега прямой наводкой начали стрелять по городу...»
Магнитофонная лента становилась обличительным документом.

Ночью гостиница сотрясалась от взрывов, на улице шла ожесточенная перестрелка. В комнате, где разместилось советское представительство, слушали радио. Американское агентство передавало новости из Лаоса. Неужели работает телеграф? Значит, можно послать телеграмму в Москву, в Прагу?

С рассветом Виталий и Карел короткими перебежками бросились к телеграфу.

Добрались до дома, где жили западные журналисты. Никаких признаков жизни: жалюзи опущены, окна на первом этаже забиты досками.

На углу показался броневик и пустил длинную очередь вдоль улицы. Друзья притаились за выступом дома, переждали. Только двинулись вперед – снова очередь. Значит, метит по ним, надо обходить.

Последним броском добежали до телеграфа и... увидели замок. Конечно, все разбежались, надежда на телеграф оказалась ложной. Потом уже журналисты узнали, что «западники» отсиживались в своем доме, а телеграммы посылали с мальчишкой-курьером – тот бегал в американское посольство, где находилась рация. К ней, естественно, советские журналисты доступа не имели.

Что ж, оставалось лишь наговаривать репортаж на пленку. Друзья уже хорошо ориентировались в городе, имели свои излюбленные места.

– Знаешь, – говорил Виталий Прашеку, – под балюстрадой очень удобно. Наверху танки, виллисы, стрельба. Можно лишь вытянуть руку с микрофоном и записывать фон.

Балюстрада шла мимо «Утреннего рынка», где вторые сутки ожесточенно дрались автоматчики. «Фон», действительно, эффектный, но приходилось все время приглушать голос, чтобы не привлекать к себе внимания. В этой сутолоке человека с магнитофоном через плечо могут пристрелить и «красные» и «белые».

Однажды пришло известие: горит американское посольство. В здание попало шальным снарядом, но уж как-то подозрительно ярко и внезапно оно воспламенилось. Говорят, внутри слышались даже взрывы.

Журкин вместе с хозяином гостиницы французом, бывшим воякой, хорошо отнесившимся к «русским парням», отправился па открытом виллисе в путь.

На борт автомобиля хозяин прикрепил большой французский флаг, чтобы показать, что едут мирные люди. Парашютисты Конг Ае пропустили машину. Но только подъехали к кварталу, занятому мятежниками, послышалась стрельба, навстречу выбежали солдаты. Окружили, приставили автоматы к животам, допрашивают. Кто-то обыскивает машину, копается под сиденьем.

Хозяин сделал Журкину знак молчать и начал объясняться с солдатами сам.

– Вы же видите флаг!

– Флаг ваш дерьмо, нам друзья американцы, – крикнул лейтенант, подбежавший к виллису. – А вас пристрелим и бросим в кювет. Пусть потом ищут, кто это сделал...

И все же француз, не терявший хладнокровия и юмора, уговорил их отпустить машину. Когда солдаты исчезли, он вытер пот и усмехнулся:

– Узнай они, что со мной рядом русский... и многозначительно показал на кювет.

Так проходили дни. Каждое утро Журкин и Прашек работали па улицах – русский с магнитофоном, чех с блокнотом. Они были единственными представителями социалистической прессы и понимали, что обязаны рассказать миру о мужественной борьбе ляотянцев. «Западники», сидящие под семью запорами, ежедневно нагромождали кучи лжи в своих репортажах, очерках, радиопередачах. Кто-то должен был сказать правду – и об оружии, переправляемом с того берега, и о пожарах в мирных кварталах...

На улицах осажденного города, под пулями, среди разрывов рождались эти репортажи.

«Вы слышите шум моторов? Это идут американские танки, таких не было в Лаосе до мятежа... Непрерывно ухают пушки... Горят дома, улицы покрыты щебнем, осколками кирпича, засыпаны землей... Еще и сейчас продолжает падать сверху черепица. Это разорвалась мина на крыше дома, откуда я веду репортаж...»

Войска Конг Ле уходили из города, чтобы потом, соединившись с частями Патет Лао, одержать знаменитую победу в Долине Кувшинов. Случайным самолетом улетели из города и двое журналистов.

Карел Прашек напечатал потом серию репортажей в «Руде право», «Комсомольской правде», других газетах. Ему была присуждена чехословацкая национальная премия имени Юлиуса Фучика. Виталии Журкин, едва добравшись до Дели с двумя кассетами лент в кармане, поставил их на магнитофон и передал по радиотелефону в Москву.

А еще через несколько часов в эфире раздался чуть приглушенный далекий голос: «Говорит Вьентьян! Говорит Вьентьян!...»